

THE POWER OF THE WORD AND THE POWER OF PERSONALITY: TRANSITION ERA

DOI 10.15826/qr.2020.4.516

УДК 94(470)''16'' + 374.7 : 27-76 + 272/273

ПРОЕКТ МИССИИ В МОСКОВИЮ ЮРИЯ КРИЖАНИЧА И ДЕЛО ПРОСВЕЩЕНИЯ ИЕРОМОНАХА СИМЕОНА НА ЦАРСКОМ ДВОРЕ*

Марина Киселева

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

JURAJ KRIŽANIĆ'S MISSION TO MUSCOVY AND SYMEON POLOTSKII'S EDUCATIONAL ACTIVITIES AT THE TSAR'S COURT**

Marina Kiseleva

National Research University
Higher School of Economics,
Moscow, Russia

This article concerns the intellectual situation at the court of Alexei Mikhailovich and his heir Fyodor Alekseevich. Several factors (Nikon's reforms and the opposition of the Old Believers, part of the court elite's reliance on western educational models, the invitation of Kievan scribes who spoke Greek, Latin, and Polish to the Moscow Print Yard to supervise the creation of liturgical books and promote translation and publishing activity, and the experience of the first educational establishments) testify to the fact that the culture of the Muscovy faced for the first time the need to choose a strategy for its intellectual activity. The

* Статья подготовлена в процессе работы по программе фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

** *Citation:* Kiseleva, M. (2020). Juraj Križanić's Mission to Muscovy and Symeon Polotskii's Educational Activities at the Tsar's Court. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 4. P. 1117–1131. DOI 10.15826/qr.2020.4.516.

Цитирование: Kiseleva M. Juraj Križanić's Mission to Muscovy and Symeon Polotskii's Educational Activities at the Tsar's Court // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 4. P. 1117–1131. DOI 10.15826/qr.2020.4.516 / Киселева М. Проект миссии в Московию Юрия Крижанича и дело просвещения иеромонаха Симеона на царском дворе // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 4. С. 1117–1131. DOI 10.15826/qr.2020.4.516.

author compares the lives of Juraj Križanić (1618–1683) and Symeon of Polotsk (1629–1680). Križanić arrived in Moscow to realise a union between Moscow and Rome but failed. However, Symeon, a Belarusian who had no missionary objective, managed to carry out nearly all of Križanić's planned intellectual innovations in the Muscovite state. This leads the author to conclude that the ruling elite was internally ready to discover the values of Christian education and enlightenment following western cultural models and that Symeon of Polotsk played a key role in their dissemination and realisation.

Keywords: Juraj Križanić; Catholicism; Symeon Polotskii; Orthodoxy; Tsar Alexei Mikhailovich; intellectual choice; Christian enlightenment.

Автор обращается к интеллектуальной ситуации на Московском дворе периода царствования Алексея Михайловича и его наследника Федора Алексеевича. Реформы Никона и противостояние староверов, ориентация части дворцовой элиты на западные образовательные и бытовые образцы, приглашение царем киевских книжников, владевших греческим, латынью и польским языками, на Московский печатный двор для «справы» бого-служебных книг и активизации переводческой и издательской деятельности, опыт первых учебных заведений показывают, что культура Московского царства впервые столкнулась с необходимостью выбора стратегии интеллектуальной деятельности. Сопоставление биографий Юрия Крижанича (1618–1683) и Симеона Полоцкого (1629–1680) выявляет исторический казус: Крижанич прибыл в Москву для реализации проекта унии Москвы и Рима и потерпел фиаско. Белорус Симеон из Полоцка, не имея миссионерской цели, практически осуществил все пункты плана Крижанича, касающиеся интеллектуальных новшеств в Московском государстве. Напрашиваются выводы о внутренней готовности властных элит государства открыть для себя ценности христианского образования и просвещения по западным культурным образцам и о безусловной заслуге иеромонаха Симеона Полоцкого в их трансляции и разносторонней реализации на Московском дворе.

Ключевые слова: Юрий Крижанич; католическая вера; Симеон Полоцкий; православие; царь Алексей Михайлович; интеллектуальный выбор; христианское просвещение.

Установление взаимных связей властных элит и интеллектуалов Московского царства фиксируется с середины 1650-х гг.¹ В сентябре 1659 г. на московский двор царя Алексея Михайловича пришел Юрий Крижанич, имевший миссионерский замысел – привести Московское государство к унии с папским Римом и вовлечь его в антитурецкую военную коалицию. Замысел, побудивший Крижанича пересечь около трети Европы, не удался. Симеон Полоцкий познакомился с госу-

¹ О придворной элите подробнее см.: [Седов, ч. 1, гл. 2; ч. 2, гл. 1, 1.1–1.4].

дарем в Полоцке, впервые пришел в Москву в 1660 г., а окончательно поселился в Заиконоспасском монастыре в 1664 г.

При сопоставлении миссионерского проекта Крижанича с корпусом текстов Симеона становится очевидно: ничего не зная о проекте Крижанича, белорусский просветитель буквально по пунктам осуществил его программу в Москве.

Крижанич получил образование в иезуитской школе в Любляне и загребской католической семинарии, посещал Университет Болоньи, изучал право и теологию. В Риме в коллегии Св. Афанасия он прошел подготовку для будущей миссионерской деятельности среди православных. «Записку о миссии в Москву» 23-летний Крижанич подал на имя префекта пропаганды кардинала Антонио Барберини в 1641 г. В Москве он появился через 18 лет зрелым интеллектуалом.

«Записка...» построена на основе подробного анализа наблюдений путешественников-католиков А. Поссевино и С. Герберштейна. Цитирование этих авторов подчеркивает учебный характер работы, но материал структурируется и преподносится в логике автора: в первой части (пункты I–VI) Крижанич дал общие соображения о «природе» москвитян; во второй (пункты VII–X) сосредоточился на осмыслении практических проблем; в третьей (пункт XI) представил развернутый план последовательных действий для выполнения главной цели миссионера в Москве². Рассмотрим третью часть проекта.

«Речь о практическом осуществлении дела» – так Крижанич называет пункт XI – включает формулировку и описание семи необходимых шагов миссионера:

- найти способ проникнуть ко двору великого князя;
- искать случая для частых бесед, чтобы снискать его расположение;
- сохранить расположение и заслужить благодарность и награды;
- быть осмотрительным при принятии наград;
- не оскорблять никого из епископов, бояр и др.;
- добиться дозволения печатать собственные труды после рассмотрения их епископами;
- раскрыть главное намерение.

Автор представлял себе московского царя европейским властителем, обладающим соответствующим придворным штатом, взыскующим просвещения и расположенным к беседам, владеющим свободной типографией, раздающим награды и благодарности для поощрения подданных, и т. п.

Крижанич надеялся, что книга по истории христианства, задуманная еще в Риме, вызовет желание государя приблизить к себе автора. Касаясь церковной истории разных наций, он планировал не упустить «ни единой подробности о первоосновах, об успехах или упадке и утрате веры христианской среди всех наших народностей, каковы

² Идеи «Записки...» можно обнаружить в сочинении «Разговор о владетельству» («Политика»), которое Крижанич начал писать в 1663 г. в Тобольске.

поляки, божомцы, москвитяне, болгары, черкасы (circassi), хорваты, босняки и иные» [Крижанич, с. 36]. Планировалось также перевести какой-нибудь «духовный труд» – не только понятный, полезный, но и «забавный». Он думал, что государь «милостиво благоволит дозволить мне одному с его разрешения явиться и лично выразить ему свое глубокое почтение составлением (в честь его) предисловия (к книгам)» [Там же].

Для европейской культуры предисловие, посвященное правителю или высокопоставленному лицу, как и обращение к читателю – унаследованная от Античности культурная норма. Содержание посвященного текста менялось в зависимости от целей автора и адресата сочинения. В Московском царстве, как показали исследования, «вступительные и заключительные статьи... были не просто личными размышлениями печатников, а государственными документами, имевшими определенную политическую цель» [Елеонская, с. 83]. Сложившиеся правила старопечатной книжной культуры не допускали личное обращение к правителю. Потому идея Крижанича, не известного при дворе, скорее всего, имела мало шансов на успех.

Однако Крижанич поместил в тексте «Записки...» нечто вроде черновой наброска будущего предисловия. Его можно рассматривать как своего рода «заявление» о принятии на службу ко двору Московского государя:

...Обозревая все личности, принадлежащие к нашим вышесказанным народностям, я не мог в настоящее время найти никого, равного ему по величию (что не было бы ложью), и что поэтому ему одному подобает посвятить труд, содержащий в себе описание религии, войны и мира всей нашей народности, так как он среди нее – величайшая особа, способная наилучшим образом защищать и возвеличивать ее достоинство. И что поэтому я решился не служить никому иному, кроме достойнейшего из наших народных князей, и охотно отдал бы себя на служение ему, если бы только был способен к чему-либо дарованием ли или трудами. И что, хотя все это еще ничтожно мало, тем не менее, я надеюсь не быть отринутым со стороны его светлости и милости. Я намекнул бы далее на то, что мог бы служить ему по части языков латинского, итальянского (volgare), испанского, хорватского, немецкого и греческого как в качестве переводчика, так и в качестве посланника, а если бы ему благоугодно было, то и в качестве наставника его сыновей [при изучении] этих языков или же скорее как наставник в каком-нибудь свободном искусстве, пользуясь их же природным наречием [Крижанич, с. 38].

Темы бесед с царем – дела государственные: мир, война, вера. Эти знания, мыслил Крижанич, следует постоянно пополнять.

Во второй части «Записки...» Крижанич остановился на просветительских планах, считая, что без них главная его цель не будет достигнута. Важнейшей является проблема разноязычия, из которой следует

необходимость перевода книг на «московский язык» и обучение иным языкам жителей Московии. Крижанич ставил вопрос о правильности московских переводов богослужебных книг, связывая его как со знанием языков, так и с проблемой источников перевода:

...Я доселе не знаю никого, кто бы знал московский язык и свойства этих фраз вместе с греческим или латинским языком и в то же время заложил бы некоторое твердое основание в богословии... Единственное, что нужно для спасения москвитян, есть выяснение им заблуждения греков и пересмотр их переводов и исправление таковых [Крижанич, с. 34].

Болевую точку русской печатной культуры того времени подчеркивает А. В. Карташев: в 1641 г., когда Крижанич писал свой проект, на Печатный двор для «книжной справки» по спискам богослужебных книг из разных монастырей были затребованы «старцы добрые и черные попы и дьяконы, житием воздержательные и крепкожительные и грамоте гораздые» [Карташев, с. 111]. Списки для сверки и правки собирались и в Греции, что могло быть известно Крижаничу.

Поставив перед собой задачу «приобрести хотя бы посредственные познания в греческих писаниях и в московской речи», Крижанич надеялся заметить «наиболее грубые заблуждения» москвитян в их вере [Крижанич, с. 34]. Это был исходный пункт проекта: через образование и богословие, книги и овладение языками совершить подготовительную работу, которая поможет и ему, и будущим миссионерам склонить Московию к принятию католической веры. Крижанич считал, что ему понадобятся знания «не только латинского языка и греческого, но и еврейского, более же всего – основательное понимание языка славянского» [Там же, с. 35]. Начать следовало с разработки учебных курсов по образцу *arts liberalis*:

Не следует... пренебрегать и низшими из свободных наук и искусств, и по этой части я уже перевел кое-что на хорватский язык, чтобы потом с незначительными изменениями изложить это на московском наречии; и таким образом я по мере слабых сил своих обработал курс поэзии, красноречия, арифметики и грамматики и несколько книжек духовного содержания. Еще я сделал опыт перевода [курса] казуистики (*li casi di coscienza*) и философии... [Там же, с. 37–38].

Основную работу он предполагал вести вокруг перевода «историй, изящной словесности и духовных творений», но без политических рассуждений. И все это «с дозволения князя» и после просмотра переводов «епископами, ничуть не касаясь споров о вере, а занимаясь только другими полезными и приятными материями» [Там же]. Политика оставлена для устных советов царю. Крижанич не принимал тезис Поссевино, который считал, что «московский князь» ненавидит изящные искусства и науки. Помня Аристотеля, будущий миссионер

верил, что тот «любит воспитание умов и свободные искусства и науки (*le facolta' liberali*) и покровительствует им; так как по природе *omnis homo scire appetit* (“всякий человек стремится к знанию”) и никто не может любить невежества...» [Крижанич, с. 37–38].

Вопрос о систематическом образовании в Московском государстве был важен для Крижанича не только практически. Он пытался понять причины «отсутствия там всякой словесности» [Там же, с. 39]. Еще в первой части «Записки...» автор объяснил, что вера у москвитов от греков и что в дальнейшем они общались только с ними как единовверцами. Но теперь, по его мнению, греки утратили способности к искусствам и наукам. И, не зная «языка нашего» (славянского), настолько трудного, «что даже и среди латин редки говорящие на нем в совершенстве» [Там же], они не могут дать образования москвитам. Оптимизм Крижанича в просвещении Московского царства держится на уверенности в силе католической культурной традиции. Его вывод: «невежество москвитян происходит не из ненависти или запрещения наук, а от невежества их учителей, от трудности языка и подозрительности их к тем, которые могли бы научить их» [Там же].

Полезной для просвещения Крижанич считал панегирическую словесность «как в прозе, так и в поэзии». Словесные подношения государю он собирался писать «на нашем языке, но по образцу и по метрике латинским» [Там же, с. 40]. Более того, «с дозволения государя» предполагал иногда «представить и на сцене некоторые подвиги... святых и князей» из истории Московского царства [Там же].

Из книг для печати Крижанич ориентировался на католическую литературу, считая, что «в определенное время следует читать розарий»³ (по четкам) и «произносить некоторые увещания к добродетели» (конечно, книги должны быть изданы с разрешения государя) [Там же, с. 41]. По его мнению, такое чтение привлечет «множество народа», ибо в Московском царстве «проповедь не в обычае» [Там же].

Крижанич предполагал изложить нравственные начала христианства (нравственное богословие), затем перейти к практике и «напечатать о способах исповеди и экзамена совести» [Там же]. Наконец, с одобрения епископов «издать Розарий, Стелларий⁴, Венец Господень, Службу Мадонне и разного рода размышления и духовные упражнения» [Там же]. Иными словами, сначала настроить москвитов на восприятие нравственных правил и примеров, а затем издавать книги для заинтересованных читателей, причем духовную литературу (церков-

³ Первые упоминания об использовании схожих с Розарием молитв по четкам в христианских монастырях относятся к IX в. Первоначально по 150 бусинам читались 150 псалмов, впоследствии круг был разбит на десятки, разделенные большими бусинами, и вместо псалмов по нему читались «Отче наш» и «Аве Мария». Современный вид четки приобрели в XIII в.

⁴ Стелларий (*Stellarium*) – 12 глав по числу звезд в венце Девы Марии (*Stellarium corone VMV Mariæ*) составляют 12 постулатов учения о Деве Марии, текст католической традиции.

ная история, трактат «de notis Ecclesiae», книги по вопросам «совести (казуистике) и некоторым важнейшим вопросам богословия» [Крижанич, с. 41]) чередуя со светской. Завершая издательский план написанием «истории князя и его времени», то есть правления Алексея Михайловича, автор думал убедить государя послать его в Венецию «для составления и перевода других книг», используя эту возможность для соединения Москвы со святейшим престолом [Там же].

Понимая, что реализация проекта займет не один год, Крижанич полагал: необходимо своевременно раскрыть «истинное намерение» его прихода в Москву. Панегирик в честь государя воодушевит его «жаждою славы и еще больших подвигов». Более всего подходит царю «московитов» идея грядущей победы в войне с турками. Для московского государя это наилучший способ собрать единоверцев – греков и славянские народы – против «оттоманов» [Там же, с. 41–42]. Автор уверен, что война сделает Московское царство союзником Запада. Поскольку «москвитяне не знают военного дела в том совершенстве, в каком оно в ходу у католиков» [Там же, с. 42], условием оказания военной помощи западными правителями должна стать уния. Для ведения переговоров Крижанич предлагал свои услуги.

Попад в Московию, Крижанич не смог реализовать все, что задумал, кроме написания книг. Начав службу переводами с греческого и латыни на Печатном дворе, он был отстранен от дел и сослан в Сибирь 20 января 1661 г. (соответствующие документы до сих пор не известны). В Тобольск прибыл 8 марта 1661 г. и задержался на долгие 15 лет. Вдали от царя, получая небольшие деньги, Крижанич осуществлял свой «книжный план» – писал трактаты по теологии и грамматике, политике и истории, заметки о Сибири. Советы государю он оставил в рукописях⁵.

После смерти Алексея Михайловича Крижанич был возвращен из ссылки в Москву (5 марта 1676 г.), затем отправился в Европу через Вильно и Варшаву, вступил в польское войско, собранное Яном Собеским для похода против Османской империи. Участвовал в битве за освобождение Вены и погиб 12 сентября 1683 г.

* * *

Летом 1656 г. судьба подарила монаху и дидаскалу Симеону встречу в родном Полоцке с московским царем Алексеем Михайловичем во время его похода на Ригу. Эта встреча стала providенциальной как для культуры Московского царства, так и для самого Симеона.

⁵ В докладе, посвященном 300-летию со дня смерти Крижанича, М. И. Автократова говорила о десяти рукописях ЦГАДА, относящихся к тобольскому периоду его жизни: «Разговор о владетельству» («Политика»), «Грамматично исказание об русском языке» («Грамматика славянского языка»), богословский трактат «О промысле Божьем», «De arte bene morendi» («Об искусстве умерет достойно») – перевод Беллармина, «История Российская» на латинском языке и др. [Автократова, с. 31–32].

Самуил Гаврилович Петровский-Ситнянович, выпускник Киево-Могилянской коллегии, учившийся в Академии Общества Иисуса Вильно (документы не сохранились), принял монашеский постриг с именем Симеон в Богоявленском монастыре Полоцка. Вместе с 12 учениками он приветствовал царя в монастыре панегирической декламацией «метрами». Как и другие панегирические сочинения эпохи барокко, ее текст во многом заимствован из «Просфонимы» (1591), посвященной митрополиту Михаилу Рогозе [Прашкович]. На царя, как принято сообщать в литературе, приветствие произвело огромное впечатление. На возвратном пути осенью того же года царь снова слушал декламацию симеоновых учеников в свою честь.

Случайная встреча с царем связала Симеона с московским двором и с царской семьей, но не стоит видеть в этом только личные мотивы. Роль сыграли территориальные (за них велись войны с Речью Посполитой и Швецией) и конфессиональные интересы Московского царства. Так, игумен Богоявленского монастыря Игнатий (Иевлевич) с братией обратились в Москву – «били челом... пасторству». В грамоте от 27 марта 1658 г. патриарха Никона монастырь Полоцка принимался «под свою руку» со следующими правами: «такову свободу даровати» для разрешения судебных дел и неподчинения «тамошнему Епископу», а в случае «неудобных» дел было рекомендовано обращаться в Москву [Акты Московского государства, т. 3, с. 257]. И территориальные, и конфессиональные интересы Москвы Симеон озвучил в панегириках царю.

Крижаничу, полагавшему, что самое надежное средство завоевать царское расположение – развивать образование и просвещение, не выпало счастливого случая личной встречи с царем. Симеону же дорога на Московский двор оказалась открыта.

С 1664 г. Симеон жил в Москве. Образование приказных и типографских людей стало для него первым делом. Он, конечно, видел различие в уровне знаний и просвещенности, а также характере общения с прихожанами великоросских православных духовных лиц с тем, что было принято в Богоявленском монастыре Полоцка. Отсутствие школьного образования, практики катехизации, проповедей, читаемых за литургией среди верующих, личных исповедей и т. п. способствовало тому, что русская культура осознавала проблему христианского просвещения и образования как политически значимую. Для российской культуры, писал В. М. Живов, со времени после Большого Московского собора 1666–1667 гг. и до конца царствования Петра Великого «оппозиция знания и невежества актуализируется и становится важнейшим инструментом в культурно-политической борьбе» [Живов, с. 12].

С 1650-х гг. ускорение процесса перехода от книжного характера образования к его институциональности и систематичности стало государственной необходимостью. Симеон – один из интеллектуалов, двигателей этого процесса. Известны его попытки завести «на Москве»

«училища». В 1667 г. прихожане церкви Иоанна Богослова в Бронной слободе писали челобитные на имя царя Алексея Михайловича и его духовника Андрея Савинова с просьбой поддержать создание «училища славенския грамматики» при церкви. Эти просьбы дошли до патриархов – московского Иоасафа, александрийского Паисия и антиохийского Макария. К Паисию и Макарию обращался в том же 1667 г. «некий муж» с просьбой «утвердить грамотой создание в приходе храма Иоанна Богослова училища». Б. Л. Фонкич, опубликовавший документы, писал: «есть все основания для заключения о том, что ведущую роль в хлопотах об основании училищ играл Симеон Полоцкий» [Фонкич, с. 81]. Он считает, что именно Симеон сам составлял как челобитные, так и «ответы» патриархов и был готов содержать школу на свои средства. К нему же «восходят все предложения относительно устройства училища и программы обучения в нем» [Там же]. Благословенная грамота восточных патриархов была получена, однако школу не открыли.

В конце 1670-х гг. Симеон Полоцкий обсуждал план создания в Москве высшего учебного заведения с молодым царем Федором Алексеевичем (в недавнем прошлом своим учеником) и с патриархом Иоакимом. После смерти Симеона (1680) в его бумагах остались заметки об организации школы – устав и учебные программы по образцу Киево-Могилянской коллегии. Библиотеку и архив Симеона унаследовал его ученик Сильвестр Медведев. Он и выполнил окончательную редакцию «Привилегии на Академию», документа, поданного царю в январе 1682 г. Документ не был подписан, но в Заиконоспасском монастыре по царскому указу тогда же начались работы по созданию славяно-латинской школы, где Сильвестр Медведев преподавал латынь. Школа просуществовала до 1687 г., когда была основана Славяно-греко-латинская академия.

Идея Крижанича о наставничестве над царскими детьми также была осуществлена Симеоном. В 1667 г. он был призван в учителя к наследнику Алексею Алексеевичу. Когда в 1670 г. царевич неожиданно умер, Симеон продолжил обучение Федора и его сестры царевны Софьи. Учебный процесс требовал книг для чтения и учебников. Симеон переводил и сочинял буквари и катехизисы, книги для чтения, проповеднические сборники и тексты бесед на богословские темы, что соответствует издательским планам Крижанича. Важно, что Симеон, в отличие от прямых переводов, предполагавшихся Крижаничем, трудился над книгами католических авторов, так сказать, «синтетически», заимствуя сюжеты, фрагменты и аргументы, адаптируя тексты как православный книжник. М. А. Корзо, исследуя текст рукописного «Венца веры кафолическая» (1670), показала, насколько композиционная структура сочинения Симеона Полоцкого «зависима от латинского оригинала» и даже «совершенно идентична» компендиуму Жака Маршана «*Hortus pastorum*» (1626–1627) [Корзо, с. 25]. Но речь не только о композиции. Симеон переносит библейские

цитаты из текста Маршана, авторски обрабатывая их, сочетая для цитирования в своих текстах разные переводы Библии (и латинский, и славянский). Исследователь показала, как Симеон «использует... техники и приемы работы» с компендиумом Маршана, не переводя «дословно», но делая «умелую выборку». В библиотеке Симеона, привезенной из Полоцка, значатся книга Маршана и многие другие латинские богословские трактаты. Он переводил их на «славенский язык», а также использовал в собственных сочинениях, например, в поэтической энциклопедии «Вертоград многоцветный» (1678) и в сборниках проповедей.

Исторических книг Симеон Полоцкий не сочинял, однако в «Вертограде многоцветном» содержались сюжеты из греческой мифологии, истории об Александре Македонском, римских цезарях, византийском императоре Юстиниане, Карле Великом и др.

Что же касается посвящений, на которые очень надеялся Крижанич, то «Псалтырь рифмотворная» (1680) Симеона открывается панегирическим посвящением царю Федору Алексеичу, имеющим просветительский, историко-богословский и политический смысл. «Удобь» Псалтырь «пети» в стихах на «славенском диалекте», как и мечтал Крижанич. Лучше делать это в домах, укрепляя веру в семье, соединяя Царство Бога, откуда «умудрен» был царь Давид, молящийся теперь за молодого российского царя. Царь воюет с турками – сбылась мечта Крижанича! Однако не к римскому престолу обращает Симеон взоры царя Федора. Его вдохновляет юный Давид, Голиафа «силнаго преомже» (победивший сильного), просящий Бога дать силы молодому царю «силнаго турка збити» [Симеон Полоцкий, 2004, с. 212].

Крижанич отдельным пунктом определил необходимость добиться дозволения печатать его собственные труды. В типографии, открытой с разрешения царя Федора Алексеича в верхних покоях дворца в Кремле («Вверху»), в последние годы жизни поэт, переводчик, педагог, проповедник и богослов Симеон подготовил букварь «Начало учения детям» (декабрь 1679), содержащий катехитическое изложение веры, затем «Псалтырь рифмотворную», «Тестамент, или Завет Василия, царя греческого, к сыну его Льву Философу», «Историю о Варлааме и Иосафе». После смерти автора к ним прибавились впервые изданные в России старанием Сильвестра Медведева печатные сборники проповедей «Обед душевный» (1681) и «Вечеря душевная» (1683). Они были иллюстрированы гравюрами Афанасия Трухменского по рисункам Симона Ушакова.

Симеон был уверен, что проповедь необходима для самостоятельного утверждения прихожан в вере. Потому адресат его сочинений – православное священство, которое смогло бы составлять проповеди по книжным источникам. Симеон, имевший риторическое образование, владел правилами составления книжной барочной проповеди. В его личной библиотеке хранились сборники украинских казноде-ев: «Ключ разумения» Иоанникия Галытовского со специальным раз-

делом образцов для составления проповедей – «Наука албо способ зложения казаня» (1659); «Меч духовный» (1666, 1668), «Трубы словес проповедных» (1674, 1679) Лазаря Барановича, а также сборники католических проповедников.

Знаток барочной гомилетики, Симеон утвердил в книжной форме и на церковнославянском языке новую для православной Москвы морально-риторическую систему знания, сочетающую жесткую логику изложения (риторические правила) с метафоричностью концептной конструкции. В его книжных проповедях соединены средневековые схоластические сюжеты, наследие ренессансной литературной традиции, начала «второй схоластики», на которой строились курсы философии в иезуитских коллегиях. Симеон включал в них не только священные тексты, но и цитаты из Аристотеля и других античных авторов, обогащал их внутренними ссылками и полемическими приемами, приобщая читателей, по словам А. В. Михайлова, к «традиционному языку культуры».

Свободное обращение с разнообразными богословскими и литературными источниками позволило Симеону использовать фрагменты католических проповедей, что определило системность его гомилетики, вписывавшей в барочную форму учительное православие. С теми же источниками он работал, создавая стихи «Вертограда многоцветного» как книгу для чтения, «круг чтения» – энциклопедию для титулованных учеников [Simeon Polockij]⁶.

Симеон умел словесно выразить сакральность Божьего Слова и представить его визуально в формах барочной литературы: эмблемах, визуализациях стихов, театральных действиях и дворцовых церемониях. Ему принадлежат два драматических текста на библейские сюжеты, которые были поставлены в заведенном им дворцовом театре.

Симеон открыл для России новую художественно-интеллектуальную область, обслуживающую власть в соответствии с правилами и стилем культуры барокко. Он участвовал в дворцовых церемониях и празднествах как сочинитель текстов приветствий, панегириков, плачей по усопшим, стихов по случаю православных праздников, «доброгласных» пожеланий и т. д. и т. п. Эта деятельность, безусловно, влияла на умы и чувства ближней к царю элиты Московского двора, прокладывая пути к европейской придворной церемониальности. Л. И. Сазонова отмечала первенство Симеона в заведении на московском царском дворе известной европейским литературам Возрождения и барокко придворной поэзии. Здесь она «представляла собой явление небывалое» [Сазонова, с. 21].

Благодаря стараниям Симеона идеологема абсолютизма в России обогатилась новыми поэтическими символами государственной

⁶ В комментариях к каждому тому Э. Хипписли дал подробные ссылки на фрагменты из сборников проповедей М. Фабера, И. Меффрета, уже упомянутого Ж. Маршана и другие источники, которые стали основой сюжетов, моральных сентенций или аргументов для стихов «Вертограда многоцветного» [Simeon Polockij].

власти. Так, в ранней «геральдико-эмблематической поэме» (термин Л. И. Сазоновой) «Орел российский» (1667), помещенной самим автором вместе с другими стихами церемониального круга в сборник «Рифмологий» (1665–1680), смыслы разнообразных панегирических текстов связаны с визуальным геральдическим изображением орла в многочисленных лучах солнца как символа царской власти. Пропитанные античными реминисценциями поэтические речи в «Елогий», произносимые по порядку девятью музами Аполлона, восхваляют царя и его род. Задача панегирического возвышения власти соединена Симеоном с ее просвещением.

«Речь при вручении книжицы сея...», адресованная царю Алексею Михайловичу, была произнесена по случаю провозглашения 1 сентября 1667 г. (новогодний подарок) царевича Алексея Алексеевича наследником престола и посвящена (первый случай посвящения) «в солнце представленному» «Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу Всея Великая и Малыя и Белья России Самодержцу», а также «нововозсиявшему солнцу» в день торжественный «всемирнорадостного правления его» [Симеон Полоцкий, 2017, с. 212].

Чтобы найти свое место в европейском мире, России нужно было не только включиться в европейскую политику, но и понять ее культурное прошлое. Барокко, продолжая традицию Ренессанса, возвращало Европу к Античности, а русская культура через барочные тексты Симеона знакомилась с греко-римской мифологией и историей.

Но и Европа смотрела в сторону Московии. В том же 1667 г. Лаврентий Хурелич (или Хурелевич), герольдмейстер императора Священной Римской империи, был специально послан в Россию для составления «родословия» московских государей, чтобы указать на родство России с восемью европейскими державами. Герольдмейстер описал российский герб, воспроизведя титул Алексея Михайловича:

Орел двояглавый есть герб державный Великого Государя, Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, всея Великая и Малая и Белья России самодержца, его Царского Величества Российского царствия [цит. по: Пчелов, с. 41–42].

* * *

Почему интеллектуал Крижанич был отправлен в Сибирь, а интеллектуал Симеон успешно справился со всеми пунктами его проекта? Очевидно, работал контекст: судьбы интеллектуалов определялись не только случайностью, но и традициями, политическими амбициями и культурными реалиями Московского царства.

Древнерусский тип книжного просвещения к 1650-м гг. обнаружил готовность к трансформации. Ничего похожего на образовательную систему Россия ранее не знала, а церковнославянский язык оставлял русских книжников в пределах славянского культурного ареала.

Латынь как язык западной учености воспринималась как носительница «чужой», враждебной католической веры; западное образование не могло быть полезно православному государству. Работавшая веками культурная модель трансляции знаний через древнерусскую книжность практически исчерпала себя. Это показали и реформы Никона, и реакция на них охранительной культуры старообрядцев.

Военное противостояние России и Восточной Европы с конца XVI и в XVII в. (Ливонская война, война с Польшей, Смута, снова война с Польшей и Швецией за западные территории) втянуло Московское царство в европейскую политику. Войны приводят к усилению контактов между противоборствующими сторонами. Возник государственный интерес Московского двора к иностранцам (бывшим пленным, наемникам, знатокам оружия и т. д.) как источнику военных знаний. Сформировался особый «милитарный интеллектуализм». С. М. Соловьев писал, что за этими знаниями нужно было ехать не в Киев или Варшаву, а на Запад, в немецкие поморские государства, или привозить немцев-знатоков в русские войска. Иными словами, в политике образовался мотивированный практический интерес к западным знаниям вне религиозных оценок.

Новый буржуазный тип развития в Европе еще не коснулся России. Однако торговля – доходное дело, а потому росли контакты с иноземцами, в Москве был учрежден Посольский приказ. Ему требовались знатоки языков и «делопроизводства». Шло постепенное экономическое освоение торговых путей на севере, за Уралом, в Восточной Сибири и Забайкалье. Однако промышленное освоение новых территорий, как и картографирование – активное «интеллектуальное» присвоение – стало возможным через столетие.

С ростом политических и территориальных амбиций московской власти проникновение в Россию европейских культурных образцов стало функциональной нормой. Веками закрепившееся противостояние русского православия католицизму, а также с XVI в. и ересям «на лютеры» и «на кальвины», делало *прямые заимствования* (по образцу «милитарного интеллектуализма») богословских, философских и научных открытий европейской культуры того времени невозможными. Проект унии Крижанича был обречен. А вот «посредничество» выпускников Киево-Могилянской коллегии и образованных монахов из Малой и Белой России стало средством осуществления интеллектуального выбора царя Алексея Михайловича на почве православия, чем и объясняется успех Симеона.

Список литературы

Автократова М. И. Сочинения Юрия Крижанича в фондах Центрального государственного архива древних актов // Znanstveni skup u povodu 300 obljetnice smrti Jurja Križanića (1683–1983): zbornik radova. Dio 1–2. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1985. S. 31–37.

Акты Московского государства: [в 3 т.]. СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1890–1901. Т. 3. Разрядный приказ. Московский стол. 1660–1664. XXX, 674 с.

Елеонская А. С. Русские старопечатные предисловия и послесловия второй половины XVI – первой половины XVII в. (патриотические и панегирические темы) // Тематика и стилистика предисловий и послесловий. М. : Наука, 1981. С. 71–99.

Живов В. М. Из церковной истории времен Петра Великого : Исследования и материалы. М. : Новое лит. обозрение, 2004. 360 с.

Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. М. : Терра, 1993. 685 с.

Корзо М. А. Нравственное богословие Симеона Полоцкого: освоение католической традиции московскими книжниками второй половины XVII века. М. : Ин-т философии РАН, 2011. 155 с.

Крижанич Ю. Записка Юрия Крижанича о миссии в Москву. 1641 г. М. : Имп. О-во истории и древностей российских : Университет. тип., 1901. 42 с.

Прашкович Н. И. Из ранних декламаций Симеона Полоцкого («Метрь» и «Диалог краткий») // Тр. Отд. древнерус. лит. М. ; Л. : Наука, 1965. Т. 21. С. 29–38.

Пчелов Е. В. Российский государственный герб: композиция, стилистика и семантика в историческом контексте. М. : РГГУ, 2005. 162 с.

Сазонова Л. И. К истории создания «Рифмологиона» Симеона Полоцкого // Славяноведение. 2011. № 2. С. 19–35.

Седов П. В. Закат Московского царства : Царский двор конца XVII в. 2-е изд., испр. СПб. : Дмитрий Буланин, 2008. 604 с.

Симеон Полоцкий. <Первое предисловие к «Псалтыри рифмотворной»> // Симеон Полоцкий. Избр. соч. / подг. текста, ст. и коммент. И. П. Еремина : [репринт. воспр. изд. 1953 г.]. СПб. : Наука, 2004. С. 210–212.

Симеон Полоцкий. Орел Российский // Симеон Полоцкий. Рифмологион : собрание придворно-церемониальных стихов / подг. текста, ст. и коммент. А. Хипписли, Х. Роте и Л. Сазоновой. Wien ; Köln ; Weimar : Böhlau Verlag, 2017. Bd. 2. S. 212–254.

Фонкич Б. Л. Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М. : Языки славян. культур, 2009. 339 с.

Simeon Polockij. Vertograd mnogocvĕtnyj / ed. by A. Hippisley, L. Sazonova. Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau Verlag, 1996–2000.

References

Akty Moskovskogo gosudarstva [v 3 t.] [Acts of the Muscovite State. [3 Vols.]]. (1890–1901). St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. Vol. 3. Razryadni prikaz. Moskovskii stol. 1660–1664. XXX, 674 p.

Avtokratova, M. I. (1985). Sochineniya Yuriya Krizhanicha v fondakh Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva drevnikh aktov [Works by Juraj Križanić in the Collections of the Central State Archive of Ancient Acts]. In *Znanstveni skup u povodu 300 obljetnice smrti Jurja Križanića (1683--1983). Zbornik radova*. Dio 1–2. Zagreb, Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, pp. 31–37.

Eleonskaya, A. S. (1981). Russkie staropechatnye predisloviya i poslesloviya vtoroi poloviny XVI – pervoi poloviny XVII v. (patrioticheskie i panegiricheskie temy) [Old Printed Russian Prefaces and Afterwords from the Second Half of the 16th – First Half of the 17th Centuries (Patriotic and Panegyric Themes)]. In *Tematika i stilistika predislovii i posleslovii*. Moscow, Nauka, pp. 71–99.

Fonkic, B. L. (2009). *Greko-slavyanskije shkoly v Moskve v XVII veke* [Graeco-Slavic Schools in Moscow in the 17th Century]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 339 p.

Kartashev, A. V. (1993). *Ocherki po istorii russkoi tserkvi* [Essays on the History of the Russian Church]. Moscow, Terra. 685 p.

Korzo, M. A. (2011). *Nravstvennoe bogoslovie Simeona Polotskogo: osvoenie katolicheskoi traditsii moskovskimi knizhnikami vtoroi poloviny XVII veka* [The Moral Theology of Symeon of Polotsk: The Development of the Catholic Tradition by Moscow Scribes of the Second Half of the 17th Century]. Moscow, Institut filosofii RAN. 155 p.

Križanić, Ju. (1901). *Zapiska Yuriya Krizhanicha o missii v Moskvu. 1641 g.* [Note by Juraj Križanić about the Mission to Moscow. 1641]. Moscow, Imperatorskoe Obschestvo istorii i drevnosti rossiiskikh, Universitetskaya tipografiya. 42 p.

Pchelov, E. V. (2005). *Rossiiskii gosudarstvennyi gerb: kompozitsiya, stilistika i semantika v istoricheskom kontekste* [Russian State Emblem: Composition, Stylistics, and Semantics in the Historical Context]. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. 162 p.

Prashkovich, N. I. (1965). Iz rannikh deklamatsii Simeona Polotskogo (“Metry” i “Dialog kratkii”) [From Early Declamations of Symeon of Polotsk *Metres* and *Short Dialogue*]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Moscow, Leningrad, Nauka. Vol. 21, pp. 29–38.

Sazonova, L. I. (2011). K istorii sozdaniya “Rifmologiona” Simeona Polotskogo [On the History of the Creation of the *Rhymologion* by Symeon of Polotsk]. In *Slavyanovedenie*. No. 2, pp. 19–35.

Sedov, P. V. (2008). *Zakat Moskovskogo tsarstva. Tsarskii dvor kontsa XVII v.* [The Decline of the Tsardom of Muscovy. The Royal Court of the Late 17th Century]. 2nd Ed., revised. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 604 p.

Symeon of Polotsk. (1996–2000). *Vertograd mnogocvĕtnyj* / ed. by A. Hippisley, L. Sazonova. Köln, Weimar, Wien, Böhlau Verlag.

Symeon of Polotsk. (2004). <Pervoe Predislovie k “Psaltyri rifmotvornoi”> [First Preface to the *Rhymed Psalter*]. In Simeon Polockij. *Izbrannye sochineniya* / ed. by I. P. Eremin. Reprint of the 1953 Ed. St Petersburg, Nauka, pp. 210–212.

Symeon of Polotsk. (2017). Orel Rossiiskii [Russian Eagle]. In Simeon Polockij. *Rifmologion. Sobranie pridvorno-tseremonial'nykh stikhov* / Hrsg. von A. Hippisley, H. Rothe, L. Sazonova. Wien, Köln, Weimar, Böhlau Verlag. Bd. 2, S. 212–254.

Zhivov, V. M. (2004). *Iz tserkovnoi istorii vremen Petra Velikogo. Issledovaniya i materialy* [From the Church History of the Time of Peter the Great. Research and Materials]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 360 p.

The article was submitted on 02.05.2020